

ТРЕТЬЯ СФЕРА

АНТОН ИГОРЕВИЧ ВОЛИН

АНТОН ВОЛИН
Третья Сфера

«Автор»

2026

Волин А. И.

Третья Сфера / А. И. Волин — «Автор», 2026

2060 год. Громкий научный эксперимент по перемещению во времени сорван из-за внешнего вмешательства. Система вышла из-под контроля, и двое учёных вместе с лабораторией провалились на миллион лет назад — в эпоху плейстоцена. Они оказались в диких предгорьях древнего Кавказа. Вокруг — первозданная природа, опасные хищники и территории, где уже заявляют о себе первые предки людей. Оборудование будущего уцелело, но без электричества оно превратилось в груды бесполезного металла. Отрезанные от дома, без энергии и связи, они остаются один на один с опасным прошлым. Смогут ли два ума из высокотехнологичного будущего вернуть к жизни обесточенные технологии там, где огонь считается высшим достижением цивилизации?

© Волин А. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть 1. Научный городок в Казбеги.	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Часть 2. Выживание на склоне.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Третья Сфера

Глава

Copyright Антон Игоревич Волин

Состав исследовательской группы проекта Quitley

Этьен Валькур, 50 лет — научный руководитель проекта, автор базовой теории пространственно-временного смещения. Определяет стратегию исследований, принимает ключевые решения и координирует работу всей группы.

Николай Шепелев, 30 лет — физик-экспериментатор и инженер высокоэнергетических систем. Отвечает за проведение экспериментов, настройку энергетических контуров установки и контроль стабильности процессов. Готовится к защите докторской диссертации.

Видар Хольмгрен, 32 года — теоретический физик, недавно защитивший докторскую диссертацию в Лундском университете. Специализируется на математическом моделировании сложных систем, анализе аномалий и прогнозировании поведения пространственно-временных процессов.

Марына Жиманска, 30 лет — специалист по анализу данных и искусственному интеллекту. Руководит обработкой экспериментальных данных, настройкой интеллектуальных систем мониторинга и поиском скрытых закономерностей в работе установки.

QUITLEY/КВИТЛЕЙ (eng. Quantum Unstable Interaction, Temporal Layered Experimental Yield-zone. рус. Квантовая нестабильная временно-замкнутая экспериментальная зона)

Часть 1. Научный городок в Казбеги.

Глава 1

Пятница, 11 июня 2060 года, 14:30 (GET)

Обычный день в научном комплексе высокоэнергетических нелинейных систем. Исследователи полностью поглощены своей работой. В Казбеги, в ясный солнечный день, внешние условия никак не влияют на работу: в здании института динамически регулируется естественное освещение через стеклянные панели, а также поддерживается комфортный климат.

В лабораторном кластере, являющемся ядром исследовательско-энергетической системы, выполняются эксперименты стратегического значения для текущего этапа развития науки. Недавнее открытие о возможности перемещения пространственных фрагментов сферической формы привлекло в грузинскую глубинку учёных и специалистов со всего мира.

Руководителем проекта стал выдающийся учёный и первооткрыватель феномена — Étienne Valcour (Этьен Валькур).

Интерес к финансированию проекта был огромен — в нём нуждались как космическая промышленность, так и военные. Наравне с этим был завершён проект атомной электростанции неподалёку от научного центра. Эксперименты требовали колоссального количества энергии, и местная сеть, конечно, с этим бы не справилась.

Все были заняты своим делом... в едином комплексе были объединены зоны безопасности с многоуровневым контролем доступа, центр управления энергетическими потоками, диспетчерская наблюдения за процессами, а также изолированный вычислительный узел с автономной системой искусственного интеллекта, непрерывно анализирующей данные эксперимента в реальном времени.

Ничто не предвещало, что этот день станет особенным, но он им стал. С нижнего этажа, где собственно и находилась лаборатория, раздался женский крик. Позднее на нескольких экранах вдоль центрального свода здания появилось сообщение о том, что сотруднику лаборатории стало плохо и ему скоро будет оказана помощь. Происшествие хоть и не было необычным само по себе, но сопровождавший его крик сбил с толку находящихся в центральном комплексе людей.

Марына Жиманска, специалист по данным и искусственному интеллекту, перебрасывалась отдельными фразами с Видаром Хольмгренем, специалистом по линейному моделированию. Они обсуждали аномалии, периодически возникающие при перемещении фрагмента пространства во времени.

Для полной ясности не хватало самого малого — знать и контролировать процесс, когда он становился недоступен. Да, именно так: с того момента, как пространство исчезало, и до его повторного появления на том же месте. Каждый раз это требовало разного количества энергии, что трудно было объяснить. Искусственный интеллект выдвигал множество гипотез, но точно решить задачу пока не получалось ввиду отсутствия данных о происходящем внутри этого временного промежутка.

Марына всё ещё говорила с Видаром, когда он вдруг замолчал на полуслове.

Он смотрел в экран, будто что-то наконец понял, и на мгновение даже улыбнулся — странно, почти отрешённо. Марина решила, что он шутит или просто задумался.

— Видар? — сказала она, не дождавшись ответа.

Он не повернул головы.

Пальцы ещё держались за край стола, но взгляд уже «проваливался» куда-то внутрь, как будто он перестал фиксировать реальность. Марыне подумалось, что коллега слишком глубоко

погрузился в свои мысли, и ей захотелось над ним подшутить. Она встала и поставила свои ладони перед его глазами. Лёгкая улыбка Видара расплылась и тут... он резко осел.

Стул с глухим звуком ударился о пол, и его тело тяжело рухнуло вниз лицом к ногам девушки.

Марына громко вскрикнула от неожиданности! Потом, собравшись вместе со спешащими на помощь коллегами, они перевернули побледневшего Видара на спину.

— Скорее позовите дежурного доктора!

Николай спроецировал на стене интерфейс своих часов и вызвал доктора. Этьен уже был рядом и зачем-то стал трогать лоб молодого человека и щупать его за запястье.

— У него сахар или диабет, наверное, у него упал уровень сахара.

В следующее мгновение появился дежурный врач Давити и подтвердил предположение Этьена.

— У него гипогликемия, — быстро сказал он, уже набирая на портативном медблоке дозу глюкозы и вводя её внутривенно. Через несколько секунд дыхание Видара выровнялось, и он начал медленно приходить в сознание, открывая глаза.

Четверг, 10 июня 2060 года, 18:30 (GET)

Накануне вечером, Видар Хольмгрен, 32-летний талант сидел у себя в апартаментах на своём любимом древнем дубовом стуле и ... играл. Да, обладатель докторской степени, молодой талант, снимал напряжение после работы видеоиграми. Это была стратегическая игра, в которой можно было быть непосредственным участником виртуального мира, или посредственным "духом" и играть на действиях прямых персонажей.

В Грузии с недавнего времени ввели послабление, и ограничение на пребывание в виртуальных играх/мирах было увеличено до 4 часов в сутки, а дополнительное время можно было докупать. Но необходимости в этом не было. Видар играл ради очков в таблице и оставался анонимным. Прерывался он чаще всего из-за периодически возникающего желания перекусить. Покушать Видар любил — настолько сильно, что при росте 170 см весил более 130 кг. На вид он казался пухлым, но это не мешало ему быть самоуверенным.

«Я понимаю людей и динамику», «я хорошо работаю и знаю своё дело», «я люблю индийскую кухню, испанскую... да и вообще всё самое разное». Ну набрал я немного веса... Ну и раньше такое случалось... Я ем маленькие порции... да, люблю сладкое... ну и что? Буду сжигать больше калорий, чем съедаю, и всё выровняется... И Николай со своим волейболом... эх, позвал бы лучше в бассейн за компанию поплавать. Плавать я умею... Вот показал бы ему... или нет... Марына... она милая... и молодой человек её далеко, где-то в Польше. Но надо как-то сделать так, чтобы все коллеги пошли на плавание, тогда и она бы пошла... Дальше мысли начинали идти в другом направлении..

Его вечера были похожи один на другой... Усталость дня давала о себе знать, глаза становились тяжёлыми. Он скидывал виртуальный шлем, вставлял в ухо беспроводной наушник и включал какой-нибудь интересный подкаст или классику на своём родном языке — из тех книг, до которых в школьные годы так и не дошли руки. Он шёл в ванную, лениво чистил зубы, переодевался, запускал стирку и, вернувшись в комнату, ложился в кровать с мыслью: «Завтра новый день, новые открытия...»

Четверг, 10 июня 2060 года, 18:30 (GET)

В тот же вечер в многофункциональном спортивном центре неподалёку от исследовательского института...

"Вжих, вжих, свиш... свиш, вжих..." — раздавались звуки быстрых ударов волана о ракетку. Николай на пару со Звиадом, одним из работников снабжения института, играли в парном разряде. Против них выступали два местных из посёлка — Иракли и Зезва. Звуки ударов ракеток были такими быстрыми и стремительными. Игроки быстро и интенсивно били, работали ногами, контролируя расстояние и быстро находя оптимальную позицию для удара...

на лбах всех четверых светилась испарина... тренировки были интенсивными, игроки умелыми.

По очкам Николай с напарником отставали и проигрывали текущую партию. Это замечал Звиад и к концу партии спросил друга, всё ли нормально у него. На что тот ответил, что завтра у них важный эксперимент, и в этот раз у него не получается выпустить из головы мысли о работе.

Когда время бронирования корта истекло, Николай и Звиад уступили соперникам. Иракли спросил Николая по-русски:

— Николай, ну что, после такой хорошей игры неплохо бы хорошо покушать... пойдёшь с нами поедим, попьём, попоём? — в его тоне были шуточные нотки.

Он знал, что Николай обычно после тренировки никуда с ними не ходит... но в этот раз он услышал неожиданный ответ:

— А, давай!

— Хорошо, Коля дорогой, знаю такое место — и столик, и всё... сейчас нажму на кнопку, всё подготовят!

Николай не собирался наесться и напиться с друзьями, но решил, что было бы неплохо слегка перекусить, снять стресс, и махнул рукой. Когда Иракли сказал, что он знает «такое место», Николай понял, что тот шутит — заведений тут было не так уж и много. Скорее всего, речь шла о многоэтажном ресторане «Квеври». Фактически это был многофункциональный ресторанный комплекс, где предлагали кухню 50 стран мира и, конечно, грузинскую тоже.

В нём были как классические, обставленные по старинке залы с бумажным меню, так и современные помещения. Там все поверхности — от стен до мебели и пола — были покрыты прозрачной полимерной плёнкой, которая превращала интерьер в единый интерактивный экран, усиливая проекции с гаджетов. Эти залы могли моделироваться под тему вечера, а отдельные столики могли даже частично изменяться по требованиям клиента, правда, до определенной степени, чтобы не исказить общую тему зала.

В этот раз выбор пал на традиционный грузинский зал, и в предвкушении вкусного ужина друзья направились к своему месту. Устроившись за столом, гости стали ждать официанта. В их времена это уже считалось экзотикой. В последние годы стало модно заказывать роботов-официантов, но здесь акцент был сделан на аутентичность.

— Вот это я понимаю, — сказал до этого молчавший Зезва, — это нормально, человек с человеком. У нас в посёлке только так!

— Да ладно тебе, — осадил его Звиад, — проезжал я мимо вас, видел я, как у вас у каждого крыльца платформа для дрон-доставки стоит. Добежать, забрать и есть — вся ваша физкультура.

— Дружище, а скажи мне, кто сегодня медленно бегал?

Возникла пауза, и Зезва громко расхохотался. Остальные улыбнулись, поняв намёк. Николай тоже усмехнулся, подумав про себя, что живой человеческий сервис всё-таки требует времени... как вдруг его взгляд упал на столик в стороне, где сидели две девушки. Он узнал обеих — это были Марина и её подруга Люба, зеленоглазая брюнетка из местных. Друзья сразу заметили, куда устремился его взор, и Зезва, который обычно не говорил по-русски, неожиданно выдал:

— Красивые девушки!

Потом добавил по-английски:

— If there are no special conditions for the table reservation system (анг. если нет особых условий для системы бронирования столика), you can go talk to them. (анг. ты можешь пойти поговорить с ними) — и подмигнул Николаю.

На что тот ответил:

— All good man (анг. всё нормально, дружище). I know them (анг. я их знаю), ответил ему Николай.

Тот же вечер, то же время, в ресторане "Квеври".

Марына и Люба забронировали столик заранее, заказав еду и бутылку своего любимого вина. Марына выбрала место в самом углу, подальше от других посетителей. Она не хотела снова попасться на глаза знакомым. Был четверг, и ей очень не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел, как она пьёт вино в будний день, и потом донёс об этом в центр. С подругой они обсуждали насущные дела. Марыне только что позвонил её брат Войтек и сообщил, что уже собрал родителей: через пару дней они приедут её провести и «помочь разобраться с домашними делами...»

«Ах, — подумала Марына, — это значит, что завтра, в пятницу вечером, мне придётся отмывать всю квартиру... И они всё равно скажут, что вокруг беспорядок, и примутся убирать заново... Ну неужели они не могут понять, что у меня важная работа?! Эх, зря я вчера выбрала такой ракурс, когда созванивалась с ними по видеосвязи — они точно просекли бардак за моей спиной...»

Марына слишком хорошо представляла, что повлечёт за собой приезд заботливых родителей, и теперь чувствовала себя не в своей тарелке. Именно поэтому она и решила встретиться с подругой.

В этом ресторане будущего можно было заранее увидеть, какие дополнительные опции имеет столик — например, возможность полной приватности или “режим без вмешательства”, когда персонал и другие системы не приближаются без запроса клиента. Именно такой столик и выбрала Марына.

В этот момент из-за стола в центре зала раздался возглас:

— Марына, это ты?

Его голос она узнала — это был Николай. Девушка улыбнулась, привстав и прикрыв собой источник алкоголя на столе.

— Привет, Николай! — сказала она и прошептала Любе: — Спрячь бутылку.

И помахала Николаю приглашающе...

Николай подошёл и поздоровался с обеими девушками, слегка приобняв их. Он выразил удивление, что в кои-то веки у них совпало место проведения свободного после работы времени. Потом он спросил, хотят ли они посидеть отдельно или, может быть, присоединятся к ним. При этом он глянул на друзей, которые с интересом смотрели на них. Марына колебалась. Но неудобство со спрятанной в спешке бутылкой вина и размеренный кивок Любы подвели её к положительному ответу на приглашение Николая. Две компании объединились за одним столиком.

Обе девушки были несвободны. У Марыны был парень, который жил в Польше, но периодически приезжал. Люба была замужем. Николай знал об этом... Но в хорошем настроении и в таком едином порыве он решил, что было бы неправильно не заметить знакомых, не подойти и не пригласить за столик.

Вскоре пришла еда... Друзья Николая оказались очень разговорчивыми, и к тому моменту, когда последний хинкали, последний глоток Саперави и последний кусочек хачапури исчезли вместе с разговором, прошло уже немало времени. Молодые люди болтали обо всём подряд.

В какой-то момент Зезва посмотрел на Марыну с восхищением и покачал головой:

— Смотрю на тебя, и сердце болит! Такая умная, целеустремлённая, светловолосая специалистка из самой Польши — и вынуждена каждый день запускать шары с тремя скучными физиками?

Марына улыбнулась, принимая витиеватый комплимент, но решила уточнить:

— Ну вообще-то мы не запускаем шары. Мы работаем с пространственно-временным смещением. Если говорить проще, мы сжимаем участок пространства из нашего времени. Он исчезает, а затем появляется уже в другом времени. Это не шар — просто область, с которой мы работаем, имеет сферическую форму.

Зезва кивнул:

— Да, знаю я... вот.

Он показал на Николая.

— Вот этот скучный физик мне давным-давно всё объяснил.

Они ещё шутили и разговаривали, в основном улыбаясь больше, чем споря. Вечер получился тёплым и весёлым. Но когда Николай всё чаще начал упоминать о важных экспериментах, которые их ждали в лаборатории на следующий день, Марына поняла, что им пора — автономное такси уже должно было подъехать.

Николай извинился, что не остаётся на «основную часть», и сказал, что проводит девушек до такси. Друзья, в принципе, ничего другого и не ожидали, зная Николая. Иракли шутливо бросил им вслед:

— Ну хорошо, что хоть уходишь как нормальный человек, а не исчезаешь посреди комнаты, как эти твои круглые шары!

Посмеявшись и попрощавшись, они направились к выходу.

В этом времени оплата уже была делом тривиальным: она автоматически списывалась со счёта того, кто заказал и употребил блюдо или напиток, включая вино — система точно фиксировала, кто сколько выпил. Оставить чаевые, однако, всё ещё считалось жестом — иногда даже по старинке приносили отдельный горшочек. Друзья Николая, переглянувшись, дали понять, что возьмут это на себя.

Глава 2

Четверг, 10 июня 2060 года, 19:30 (GET)

В тот же вечер. Профессор Этьен Вулькар сидел за столом в лаборатории один и внимательно рассматривал фазовые контуры на экране компьютера. Замеры энергии при перемещении однотипных объектов, находившихся в сферическом кластере диаметром 25,4 см, не поддавались логике. Простое моделирование всяческих сценариев не решало проблему. Проблемой являлся не сам эксперимент, а научное объяснение событий. Целью являлось достижения полной предсказуемости и обеспечения безопасности дальнейших экспериментов. Сферические кластеры сжимались при перемещении в пространстве и времени... как и было задумано, результат получался точным. 20 минут в будущее. Энергия для материи была точно рассчитана, её всегда хватало, и объекты, находящиеся в пространстве, независимо от массы, перемещались ровно на 20 минут в будущее и возникали чётко на том же самом месте.

Согласно открытию и предшествующей гипотезе Этьена, объекты, попавшие в область перемещения, исчезали и появлялись в пределах исходной пространственной привязки. Для простого обывателя всё выглядело так, что кусок пространства выпрыгивал из ниоткуда и вжимался в уже существующее. Важным моментом был центр перемещаемого пространства. Он не должен был находиться внутри осязаемого предмета, в противном случае он просто разрывал ту часть, заполняя собой. В случае, если центр был за пределами осязаемых предметов, находящийся вблизи предмет получал толчок от возникшего рядом пространственного объекта сферической формы.

В целом в научном мире царила полная убеждённость, что количество материи имеет решающее значение для энергии необходимой для переноса. Но после множества экспериментов выяснилось, что отдача «непонадобившейся энергии» варьируется, не следуя никакой логике. Это не зависело от того, какие предметы были помещены в пространство переноса. Будь то кувшин с соком, кирпич со стройки или даже слиток золота... результат был один и тот же, и всегда отдача лишней энергии не поддавалась логике...

Бывали случаи, когда энергия использовалась полностью. Так всегда было в первый раз и периодически повторялось, но всё это было в рамках статистических колебаний. Эксперименты и сам проект не сочли опасным. Ещё на родине профессора было проведено несколько серий экспериментов на более малых объёмах. Эксперименты проводились в течение более коротких временных промежутков, при этом требовалось меньше энергии. Установленная тогда закономерность заключалась в том, что максимальная энергия, необходимая для первого эксперимента в новых условиях, строго соответствовала предельному значению и никогда его не превышала. Это было железно и логично. Но чтобы сделать технологию полностью безопасной для внедрения, предстояло полностью разобраться во всех процессах.

Завтра должен быть важный эксперимент... пришло разрешение на увеличение объёма, как для их лаборатории, так и для поддерживающей электростанции. Всё было готово. Формальности соблюдены, спонсоры оповещены. Государство дало разрешение. Но Этьен нервничал. Его мучила идея-фикс, от которой он не мог отказаться, которую не мог забыть, и его будоражила сама мысль, что его открытие о *space-locked field* (анг. пространственно-фиксированное поле) на самом деле только часть всей теории. Его взгляд упал на стену напротив, где крупными буквами на полимерном экране сиял так знакомый ему текст. Это текст его изначальной гипотезы, приведшей впоследствии к великому открытию...

Так звучала гипотеза Этьена:

*«При перемещении ограниченной области пространства вперёд во времени установка формирует локальное *space-lock* поле — замкнутую систему пространственной привязки*

В пределах данного поля ограниченная область пространства временно утрачивает зависимость от внешнего движения и сохраняет координаты относительно центра поля. Всё, что находится внутри этой области, переносится вместе с ней.

Перемещение осуществляется не через абсолютное пространство, а внутри локальной системы координат, сохраняемой полем до момента завершения временного смещения.

При перемещении вперёд во времени дополнительная пространственная коррекция не требуется, поскольку поле сохраняет устойчивую локальную систему координат на протяжении всего смещения. »

Но это была лишь официальная часть гипотезы.

Существовал и другой раздел, который Этьен никогда не публиковал и не включал в материалы проекта. Даже внутри комплекса о нём никто не знал.

В личных записях он допускал, что при перемещении объекта назад во времени принципы работы поля должны быть иными.

«При обратном смещении локальное space-lock поле тоже формируется, но теряет исходную пространственную привязку. Так как целевая точка в прошлом уже существует, координаты приходится вычислять заново. Это требует коррекции с учётом вращения и орбиты Земли. Компенсация более высоких космических смещений теоретически возможна, но энергетически неоправданна».

Этьен также предполагал, что необъяснимые энергетические колебания, наблюдавшиеся при перемещениях в будущее, и пространственная неопределённость при обратном смещении могут иметь общую природу. Возможно, обе проблемы являются следствием одного и того же физического механизма, который существующая модель пока ещё не учитывает.

Но наиболее важным ему казалось другое.

Если гипотеза была верна, то при перемещении назад во времени энергетические параметры должны были подчиняться строгой математической зависимости. Масса объектов заключённых в сфере, расстояние пространственной коррекции и длительность временного смещения определяли бы необходимую энергию перехода.

Если такую зависимость удастся подтвердить экспериментально, она могла стать ключом не только к управляемому обратному смещению, но и к точному расчёту энергии при перемещениях в будущее.

В случае удачного эксперимента теория стала бы не просто аномальным исключением из законов природы, а основой для полноценной физической системы.

Этьен понимал, что рано или поздно кто-то обязательно попытается провести эксперимент с обратным смещением.

«А что завтра? Завтра мы просто увеличим объём, никакого нового эффекта мы не поймём. Затраты энергии также будут колебаться в пределах нуля и максимального значения. И как сложно было получить только для этого разрешение сверху — 2 месяца ожидания...»

Ученый понимал, что для его идеи точно не пришлют разрешение сверху. Научный центр находился в 18 км от населённого пункта Степанцминда, где проживали гражданские.

«Нет, всей его команде нужно на собственный страх и риск перебраться куда-нибудь в Антарктиду... Им там, наверху, никак не объяснишь, что без одного такого "слепого" эксперимента невозможно упорядочить расчёты местоположения и энергии для всех смещений».

Эти мысли давили на него. Наконец он резко поднялся и решительно зашагал к кофейному аппарату. Он был так увлечён своими размышлениями, что невольно задел декоративный камень, стоявший посреди лаборатории.

Этот камень был миниатюрной копией знаменитых «камней Сно», созданных грузинским скульптором в начале века, и был подарком от мэра города. В памяти тут же мелькнуло,

как грузинское телевидение брало интервью у сотрудников прямо на его фоне, а затем последовала пресс-конференция, где вся тяжесть ответов легла на плечи профессора Вулькара.

Помнится, один вопрос задали и Видару. Молодец парень — впервые на таком ответственном мероприятии, но не растерялся: ответил чётко, по делу, без лишних слов.

«Хорошая у меня команда. Не бояться ответственности».

В следующий момент он уставился на красное мигающее сообщение на экране: «Пожалуйста, заберите свой напиток».

«Ох... что-то не то со мной уже... мысли стали разбредаться... А сколько времени?.. Не пора ли домой?..»

Было 7 часов вечера по местному времени. Нет, сначала нужно ещё раз всё проверить.

«Ставим его сюда... так, так... новая платформа готова, сегодня установили... электроды подключены, опоры закреплены, защитный слой снизу... провода подведены... всё верно...»

Он на мгновение остановился.

«Да, в успехе эксперимента я не сомневаюсь. Десять или двадцать дюймов — какая разница... процессы те же, логика не меняется... ничто не противоречит нашим расчётам и моделям...»

Мысли Этьена ускорились, словно переходя в более высокий режим.

«Но нужно сделать совсем другое... то, на что не дадут разрешение... а именно поэтому и не дадут... но именно в этом и может быть великое открытие. Новое открытие. И я знаю — оно будет.»

Он провёл рукой по лицу.

«Что же делать... через двадцать лет, когда все разрешения наконец оформят, это открытие может сделать кто-то другой... Но это ведь наш путь. Наша работа. Наша заслуга...»

Этьен заметил, что кофе остыл. Он поднял чашку и быстро допил.

— Ладно... нечего засиживаться. Следуем плану. Ребята уже всё подготовили.

Он вышел из лаборатории и направился к гардеробу за своей ветровкой. Системы жизнеобеспечения здания были полностью автоматизированы, и когда последний человек покидал его, в нём включался режим экономии. «О, — подумал Этьен, — сегодня я не последний..., наверное, дежурный смены опять задержался... что-то он зачастил делать проверки по вечерам...»

Профессор Валькур выехал из института где то около 8 вечера. Его электромобиль был заряжен и готов доставить его домой. У машины был как автономный режим, так и пользовательский. Он прекрасно понимал что доверится автопилоту намного безопаснее чисто статистически. Но он был олдскул и предпочитал всегда сам садиться за руль.

Дорога, уходившая вниз по склону в сторону жилой зоны, была почти пустой; лишь редкие служебные электромобили бесшумно скользили между фонарями, растворяясь в холодном горном тумане. За прозрачной крышей машины медленно двигались облака, а над ними темнел массив Казбека.

“Горы и долины, как они напоминают родные места!”

Он вспомнил как всё начиналось. Научный центр с исследовательским комплексом возник слишком быстро. После открытия ученого финансирование утвердили почти мгновенно, и строительные работы в долине начались ещё до завершения большинства теоретических отчётов. Жилые корпуса, энергосекции и лаборатории росли среди гор с почти пугающей скоростью — как будто сама местность была заранее подготовлена к тому, что должно было появиться здесь.

В Гренобле у Этьена и Софи остался старый дом, но для руководителей проекта уже строился новый жилой комплекс рядом с институтом. Этьену предложили просторный двухуров-

невый пентхаус на верхних этажах южной башни — с панорамными окнами, зимним садом и видом на ледники.

Он отказался почти сразу.

Ему нужен был двор, место для собак и нормальная земля под ногами.

Позже проект КВИТЛЕЙ переработали специально под него, выделив участок немного в стороне от основной жилой зоны.

Дом построили быстро — слишком быстро даже по местным меркам, — но Софи всё равно сумела превратить его в настоящий дом задолго до окончания внутренних работ.

Мысль о Гренобле всегда возвращала его к ней.

Софи была родом из Лиона, но в молодости переехала в Гренобль — не ради университета и не ради карьеры, а из-за гор. Ей нравился холодный воздух Альп, долгие маршруты, снег и ощущение пространства. Тогда она работала помощницей медсестры в небольшой клинике недалеко от университетского района.

Они встретились почти случайно.

Молодой Этьен, ещё аспирант физического факультета, неудачно упал во время горного спуска — всего лишь неудачный поворот, сноуборд, скользкий склон. Ничего опасного, но достаточно, чтобы провести сутки в клинике с вывихом плеча и несколькими швами над бровью. Он почти не помнил боли, но очень хорошо запомнил медно-рыжие волосы Софи под больничным светом.

И её глаза.

Зелёные. Спокойные. Внимательные.

Спустя почти тридцать лет волосы Софи давно стали серебристыми, а он сам заметно поседел.

Софи была на шесть лет старше него — ей пятьдесят шесть, ему пятьдесят. У них было пятеро детей — три сына и две дочери. Даже по меркам начала века это когда-то считалось большой семьёй, а к шестидесятым годам подобное стало почти экзотикой. Особенно среди учёных его уровня. Коллеги в институте иногда смотрели на него с лёгким недоумением, будто не могли совместить в голове специалиста по квантовой энергетике и человека, у которого дома пятеро взрослых детей и целая стая сибирских хаски.

Хаски было шесть — небольшая, но шумная стая, жившая по своим внутренним правилам, с чёткой иерархией и постоянным движением, будто дом никогда полностью не засыпал.

Он помнил, как всё начиналось ещё в Гренобле — городе, где горы всегда казались ближе, чем небо. Тогда никто из них не мог представить, что однажды их жизнь окажется перенесена в совсем другой горный массив — в место, где история давно переплелась с геологией и политикой.

Регион у подножия Казбека издавна привлекал туристов, а за последние десятилетия международный туризм в Степанцминде заметно вырос, превратив некогда тихую долину в популярное направление для путешественников.

Бывшая деревня Степанцминда до начала проекта оставалась небольшим, но устойчивым туристическим центром у подножия гор с населением около восьмисот человек. Жизнь здесь всегда была связана с дорогами, горами и сезонными потоками туристов.

Ситуация изменилась, когда был возобновлён старый, почти забытый государственный проект строительства крупного энергетического реактора, десятилетиями остававшийся недофинансированным. С появлением новых инвестиций и международного интереса он неожиданно оказался в центре политического и научного внимания.

Местные власти согласились на расширение, рассчитывая на развитие инфраструктуры и создание рабочих мест. Постепенно долина начала меняться.

Было решено использовать существующую площадку: укрепить энергетический узел, достроить реактор и связать его с новым исследовательским институтом, требующим огромных энергозатрат.

Вся система выросла поверх старой реальности почти без паузы.

Население Степанцминды выросло с примерно восьмисот до тысячи двухсот человек, а новое научное поселение вместе с энергетиками, строителями и исследователями до примерно 4000. Оно находилось на расстоянии 18 км от посёлка и соединялось новой высокоскоростной трассой. Дороги расширились, появились школы, спортивный центр, новые жилые кварталы.

Изначально обсуждалась идея полностью ограничить доступ туристам в научный сектор, однако, к удивлению властей, никакого особого ажиотажа вокруг него не возникло. Здание исследовательского центра оставалось строго закрытым для посещения, а кроме ресторанного комплекса и нескольких общественных зон, по сути, здесь почти не было мест, представляющих интерес для туристов.

Машина мягко скользила вниз по серпантину. За стеклом медленно двигались тёмные силуэты гор, а ниже, в долине, мерцали огни научного комплекса.

Профессор свернул с главной служебной трассы задолго до того, как показались огни их дома. Узкая дорога, ведущая к вилле, была пустой — как и почти всегда в это время. Район вокруг института казался безлюдным, но это была лишь видимость. Система наблюдения фиксировала каждое движение: тепловые контуры, идентификацию транспорта, биометрические сигналы. Даже если бы здесь появился человек, которого не должно было быть, он бы не прошёл незамеченным дальше первого виртуального периметра. Но сейчас всё было спокойно.

Машина плавно свернула к узкой дороге, ведущей к дому. За оградой уже виднелись тёплые огни в окнах и тёмные силуэты вольеров.

Как только автомобиль приблизился к дому, система распознала его ещё до того, как Этьен увидел ворота. Несколько секунд — и автоматический контур безопасности перешёл в “домашний режим”. Камеры отметили знакомый профиль, ворота открылись почти бесшумно.

Собаки среагировали первыми. Сначала короткий всплеск лая — не агрессия, а сигнал. Потом движение внутри ограждённой территории, тяжёлые силуэты в темноте. Шесть хаски жили здесь как единый организм: шумный, подвижный, постоянно меняющийся. Через несколько секунд они уже узнали звук двигателя. Лай сменился возбуждением и нетерпеливым движением.

Этьен вышел из машины ещё до того, как электроника полностью отключилась. Холодный воздух ударил в лицо, резкий и чистый, с запахом снега и влажного камня. Он коротко остановился у ворот, затем направился прямо к вольерам.

— Спокойно, мои хорошие, — сказал он уже по дороге, и голос его сразу изменился, стал мягче.

Шесть собак встретили его хаотичным движением: пересекающиеся силуэты, толчки, прыжки, попытки одновременно быть ближе всех. Он сразу опустился к ним ближе, без спешки, позволяя каждой найти свой момент.

— Ну давай... давай, Тилли... хорошо, Бетти... я вижу тебя, не толкайся, — говорил он вполголоса, почти непрерывно, будто разговаривал не с группой, а с каждым отдельным существом.

Он гладил их по загривкам, слегка теребил шерсть, позволял им прижиматься к нему, обнюхивать руки, проверять его запах. В этот момент он не выглядел профессором или руководителем проекта — только человеком внутри живой, шумной системы, которую он знал наизусть.

Софи уже была у стеклянной двери, ведущей в садовую часть дома. Она стояла спокойно, в тёплом свете, с перчатками и небольшим садовым ведром в руках. Рядом — аккуратно расставленные контейнеры с землёй и недавно привезённые растения.

— Цветы наконец пришли, — сказала она, не повышая голоса. — С задержкой из-за погоды в перевале. Я уже посадила их днём, чтобы они не пересохли в контейнерах.

— Хорошо, — кивнул Этьен, не отрываясь от собак.

— Они сегодня спокойнее, — продолжила она. — Я вывела их в горный сектор на короткую тренировку. Без перегрузки. Вильма всё ещё немного нервничает по утрам, но уже лучше реагирует на ритм.

Она говорила об этом так же спокойно, как о погоде или ужине — это была её ежедневная работа, такая же точная, как его вычисления.

— Ужин готов, — добавила она чуть позже. — И мы сегодня продолжаем вчерашнюю серию.

Этьен на секунду поднял взгляд.

— Какую?

— Про генетику и наследственные механизмы, — ответила Софи. — Старые исследования, ещё до цифровой биологии. Очень интересно, если смотреть в динамике.

Он слегка усмехнулся.

— Подойдёт.

Он ещё немного задержался среди собак.

— Ну всё, мои хорошие... хватит, хватит... я вернулся, — говорил он уже тише, почти шёпотом. — Бетти, Тилли... Луна, Кай... и ты тоже, Вальтер, не ревнуй.

Бетти прижалась к нему особенно настойчиво, и он коротко рассмеялся, потрепав её по шее.

Софи тем временем поставила ведро у ограждения и начала спокойно раскладывать корм по мискам — без спешки, с точной привычной последовательностью. Собаки постепенно переключались с возбуждения на ожидание, собираясь у своих мест.

Когда первая волна встречи прошла, Этьен наконец выпрямился.

— Душ и вернусь, — сказал он Софи.

Она кивнула, как всегда.

— Я буду на веранде.

Он направился к дому, оставляя за собой тёплый шум живого движения во дворе и постепенно затихающий вечер в горах.

Глава 3

Пятница, 11 июня 2060 года, 15:10 (GET)

— Сейчас всё стабилизировалось, — сказал Давити спокойно. — Но это был эпизод гипогликемии. Вам нельзя возвращаться к работе сегодня. Вам нужно поесть нормально, восстановить уровень глюкозы и отдохнуть. Минимум несколько часов без нагрузки. Если повторится — обязательно пересмотрим режим.

— Благодарю вас, сказал Видар.

Давити стал собираться и вскоре направился к выходу. Марына так и стояла рядом, уставившись на Видара, будто думая, что это с ним может случиться прямо сейчас снова. Николай, стоявший рядом, первым опомнился и засобирался обратно на своё рабочее место. Тут к профессору вернулось самообладание и он сказал:

— Предлагаю на сегодня завершить работу! Осталось чуть больше часа и мы в принципе уже получили и сопоставили достаточно данных. Уходим на выходные!

Никто не возражал. Марына успокоилась и уже подумала о том что у нее будет больше времени подготовиться к приезду родителей. Николай уже навел порядок на своем рабочем месте подошел к Видару, похлопал его по плечу и сказал:

— Всё наладится, соберешься и поправишься.

Марына тоже засобиралась. Профессор Валькур знал, что Видар живёт один и, кроме работы, редко куда выходит, и ему пришла мысль пригласить его к себе:

— Видар, были ли у тебя какие планы на сегодня?

— Ну да, дома дела. Убраться, постирать, ответил он.

— Я подумал может быть составите мне вечером компанию и останетесь у нас. Как известно места на нашей вилле предостаточно. Жена моя медик, она могла бы посмотреть ваше состояние и подобрать подходящую еду.

— Спасибо, Этьен. (Видар частенько забывал о формальностях и обращался к профессору на ты. На английском это звучало без титула. Этьен знал что это отнюдь не признак неуважения, а просто принятое в его культуре отсутствие формального тона)

— Это очень любезно с твоей стороны, продолжил Видар. Даже не знаю, мы все уже были у вас в гостях в прошлом месяце.

— О, нет нет мой друг, ты не представляешь как всё изменилось. Теперь вечерами тепло на улице. Можно дышать прекрасным воздухом, не заходя в дом и долгими вечерами наслаждаться прекрасным видом на долину.

— Ну тогда конечно, почему бы и нет? — улыбнувшись, ответил Видар.

— В таком случае собирайтесь, транспорт нас уже ожидает.

Они вышли из здания института. Возле входа их действительно ожидал транспорт — машина профессора. Этьен направился к месту водителя. На долю секунды на лице Видара мелькнуло лёгкое, почти незаметное сомнение. Он не произнёс ни слова, но его взгляд задержался на машине чуть дольше обычного. Этьен это заметил и про себя подумал:

«Он ожидал автономный режим, не считает ручное управление надёжным.»

Но Видар сел на пассажирское место, сохраняя привычную сдержанность.

По дороге они перекидывались короткими фразами. Городок быстро сменился вереницей частных домов, половина из которых всё ещё строилась, и открытыми участками с видом на долину. Дорога заняла не более десяти минут. Когда они остановились у виллы Этьена, Видар на мгновение задержал взгляд на доме.

— Красиво... — коротко сказал Видар, всё ещё рассматривая дом.

Этьен слегка кивнул, выходя из машины первым.

— Пойдём.

Внутри было тихо и тепло. Дом не производил впечатления демонстративной роскоши — скорее продуманного, почти научного порядка, где каждая деталь имела своё место и назначение.

Видар прошёл следом, медленно осматривая пространство, но без лишних комментариев. Его взгляд задерживался на мелочах — линиях света, расположении предметов, геометрии пространства.

Этьен это заметил, но ничего не сказал. Он лишь чуть замедлил шаг, позволяя гостю привыкнуть к обстановке, прежде чем направиться дальше по коридору в сторону гостиной.

— Софи ушла на прогулку с собаками... Обычно она возвращается примерно в это время, но в этот раз, видимо, задерживается, — сказал профессор.

— Молодой человек, помнится мне, в прошлый раз вы опоздали и пропустили нашу мини-экскурсию. Поверьте, эти предметы совершенно необычны и уникальны. Мало у кого их можно увидеть сегодня. Семья Валькур приняла единогласное решение взять их с собой.

— Ты имеешь в виду те антикварные предметы на подставках слева? — спросил Видар.

* (От автора. Видар мешает обращение ты и вы, поскольку он непривычен к этому. И Этьен во встречной манере тоже путается в этом)

— О да, но не только о них. Картины, Видар, - подойди сюда, — сказал Этьен, слегка кивнув в сторону стены.

На стене висели четыре картины. Работы конца XIX — начала XX века, с мотивами южной Франции и индустриальных пейзажей региона.

— Вот эта, например, — начал Этьен, — написана художником из Лиона. Он пытался поймать переход света над долиной в утренние часы.

Видар посмотрел на картину. Он не был знатоком искусства, но чтобы не расстраивать энтузиазм профессора он попытался выразить интерес к картине.

— Удивительные цвета... — сказал он осторожно. — Невероятно, как можно было это передать кистью и краской.

Этьен воодушевился и продолжил объяснение. Речь шла о том что автор хотел передать в этом шедевре. Вскоре они перешли к следующей картине. Хозяин говорил спокойно, подробно, с лёгкой внутренней увлечённостью, словно проверяя реакцию гостя. Видар слушал внимательно, но без искренней вовлечённости. Его ответы оставались вежливыми, почти формальными.

— Очень интересная композиция...

— Да, действительно необычная перспектива...

Этьен словно не замечал общие слова в его комментарии и с энтузиазмом рассказывал о каждой из картин. Перед последней картиной взор Видара упал на какой то старинный измерительный прибор. Видар мгновенно узнал его. Это был старинный осциллограф! Взгляд его оживился, и поскольку рассказы Этьена его несколько утомили, он как то не совсем вежливо осадил Этьена и спросил:

— Это ведь осциллограф. Он в рабочем состоянии?

Этьен замер на секунду, но быстро сориентировался.

— К сожалению нет, но он работал ещё совсем не так давно. Нужен специальный мастер и специальные инструменты чтобы его починить. Мне в последнее время было не до этого...

Видар подумал, а не починить ли ему его. Ему захотелось использовать фотографии работающего осциллографа. Последний раз он занимался подобным во время курса электротехники в университете.. Но сейчас интерес просыпался снова..

— Если я мог бы его у вас одолжить и починить? В работающем виде он бы пришелся кстати для презентации текущей стадии моей работы..

Этьен не успел ответить, их диалог был прерван лаем собак и голосом Софи, которая кричала на них громко и рьяно. Это произвело определенное впечатление на Видара, до этого не представляющим супругу профессора, способной кричать так громко.

Вскоре Софи зашла в гостиную, слегка запыхавшаяся и с порозовевшими щеками. Скидывая с себя накидку, она с приветливой улыбкой сказала:

— Bonjour, mon cher Étienne... (фр. Привет, мой дорогой Этьен) — и, бросив взгляд на Видара, добавила заученное приветствие на шведском:

— Hejsan, kära Vidar! (шв. Привет, дорогой Видар).

Она легко подошла к Видару и, как это было для неё естественно, сделала французское la bise (фр. приветствие «щёка к щеке»), после чего коротко коснулась щеки мужа в привычном домашнем жесте.

— А почему вы стоите здесь? Я получила твоё сообщение, Этьен, и еда уже должна быть готова.

Она обвела взглядом обоих и, заметив усталое выражение лица Видара, мягко улыбнулась:

— Он устал, Этьен.

— О нет, — возразил Видар. — Мне интересна твоя коллекция. К тому же у вас уникальное собрание технических предметов.

Софи сделала недоверчивое выражение лица, но согласившись, добавила:

— Дайте мне 5-10 минут, и мы все вместе сядем за стол.

Мужчины кивнули. Далее они двинулись к антиквариату, которым Видар действительно заинтересовался..

Здесь были технические предметы: старые измерительные приборы, механические модели, элементы лабораторного оборудования начала прошлого века.

Видар оживился.

Он подошёл ближе, рассматривая один из механизмов.

— Это... система калибровки? — спросил он уже более уверенно.

— Почти, — ответил Этьен. — Использовалась для стабилизации параметров в ранних экспериментах с полями высокой энергии.

Видар кивнул и стал медленно обходить экспозицию. Его внимание теперь было более собранным. Он начал задавать точные, короткие вопросы.

Этьен наблюдал за ним молча.

«Поразительно... Как быстро он перестраивается: сначала эстетическое восприятие, затем структурный анализ».

Видар остановился возле одного из предметов и задержал взгляд чуть дольше обычного. Интерес стал уже не формальным. Это было заметно. Этьен слегка изменил тон разговора, будто ненавязчиво направляя его дальше:

— Здесь ещё есть сад. Можно выйти туда.

Видар не сразу ответил. В этот момент вернулась Софи.

— Этьен... — тихо сказала она. — ты забыл, что у вас сегодня случилось. Видару сейчас не нужна ещё одна экскурсия — ему нужен ужин.

Этьен на мгновение замолчал, затем, обращаясь к Видару, добавил:

— Или может пройдем на веранду?

— С удовольствием! — сразу ответил Видар.

— Тогда продолжим позже.

Они вышли из гостиной в направлении веранды, где Софи уже накрывала на стол.

— Знаете... — Видар некоторое время молчал, задумчиво глядя в чашку. — После экспериментов с увеличенным объёмом я начал замечать одну странную закономерность при обратном моделировании.

Этьен внимательно слушал, не перебивая.

— Мы ведь всё это время работали только с прямым смещением, — продолжил Видар — обратные модели строились на основе уже полученных энергетических откликов. При новом объеме и определённых перегрузках система ведёт себя так, будто пытается самостоятельно компенсировать нарушение.

Он ненадолго задумался, подбирая слова.

— Даже при локальном нарушении причинной последовательности система не уходит в разрушение. Она входит в состояние колебаний... но затем постепенно возвращается к устойчивому состоянию.

Этьен медленно поставил чашку на стол.

— Пространственно-временная коррекция, — спокойно произнёс он.

Видар поднял взгляд.

— Возможно... да. Я пока не уверен. Но математически это выглядит именно так. Словно само пространство стремится сохранить непрерывность состояния.

Этьен едва заметно кивнул, сохраняя внешнее спокойствие. А про себя подумал:

«Что ж, следовало ожидать, что рано или поздно ребята это поймут. Он увидел это сам, потому что система чётко откликнулась после того как мы увеличили объём»

Видар подошел именно к той границе, за которую Этьен уже давно боялся пускать даже собственные мысли.

— А скажи мне, мой друг. Ты понимаешь что это означает, что нам нужно было бы сделать дальше?

— Да, понимаю.

— И ты понимаешь почему мы не можем этого сделать?

— Да, понимаю. Никто не знает как поведет себя система при первом эксперименте.

— А скажи мне, имеет ли смысл наша работа если мы останемся заключенными в этих рамках?

Видар сделал ещё глоток и сказал:

— Мы всего лишь двигатель в общей системе. Без финансирования и поддержки мы бы работали вхолостую.

Сказанное Видаром было не тем, что хотелось услышать профессору. Этьен про себя подумал:

«Этот парень избегает ненужных рисков, нет в нём ни капли азарта... Расчётливый, идёт к цели своим ходом... Или может он вовсе не хочет чтобы наша работа пришла к своему завершению, он весь в своих рутинных тут в городке...»

Видар поставил чашку на стол и, словно не замечая задумчивости профессора, развил мысль:

— Каждое разрешение нужно согласовывать на каждом уровне. Да вы и сами знаете, какие тут порядки у этих горцев.

— Горцев? А мы разве не горцы? Насколько мне известно, у вас на родине тоже есть горы.

— Конечно. На севере. Про горцев это я неудачно выразился...А вообще моя страна традиционно славится удивительной открытостью к выходцам из других стран.

Сказав это, Видар поспешил сменить тему разговора:

— Красивый вид у вас на долину, профессор.

— Я же говорил, так как насчет того чтобы перейти в сад?

— С удовольствием, — ответил Видар, заметно приободрившись.

— Бери с собой свой кофе, — добавил профессор.

Коллеги неторопливо спустились с веранды и направились в сторону сада.

Глава 4

Вторник, 15 июня 2060 года, 16:30 (GET)

Настал тот день, когда Этьен решился. Он понимал, что берёт на себя огромный риск. Согласно расчётам, вероятность возникновения парадокса была крайне мала. По имеющимся данным и результатам исследований сама система пространства-времени не могла быть разрушена — она могла лишь выйти из состояния равновесия, после чего стремилась восстановить исходное состояние.

Этьен моделировал различные последствия нарушения условий перехода. Подобное уже происходило с частицами пыли и фрагментами материала, которые соприкасались с границей сферы. Ничего необычного не происходило: частицы получали энергию в той области пространства, где оказывались, после чего происходило их химическое разрушение.

Именно поэтому все эксперименты проводились внутри специальных защитных оболочек. Они существовали как в прозрачном, так и в непрозрачном исполнении. Внутри оболочек были установлены камеры и сенсорные системы, работавшие в различных диапазонах излучения. Они позволяли фиксировать состояние системы, изменения на границе сферы, возможное разрушение отдельных частиц и любые изменения окружающего пространства.

Профессор был уверен: ни аннигиляции, ни каких-либо неизвестных процессов возникнуть не должно. Искусственный интеллект также подтверждал эти расчёты. Даже в случае с объектом диаметром всего два миллиметра наиболее негативный сценарий предполагал лишь локальное разрушение и полное сгорание объекта.

Однако риск оставался огромным. Сам эксперимент являлся грубым нарушением всех установленных правил безопасности. Но Этьен всё же принял решение.

К 16:30 большая часть отделов уже закончила свою работу, и в здании, где находилась лаборатория, постепенно становилось тише. На платформе под защитным куполом лежал крошечный фрагмент горной породы диаметром около двух миллиметров. Этьен заранее подготовил параметры эксперимента:

17:00 — автоматическая активация.

Смещение пространственной области назад во времени на двадцать минут.

Согласно расчётам, первые признаки пространственно-временной связи должны были проявиться уже в 16:40. Сама область пространства при этом продолжала физически находиться внутри установки вплоть до момента активации.

В 16:40 система должна была зафиксировать резкий энергетический отклик — не сам перенос, а образование устойчивой связи между текущим состоянием пространственной области и её положением в прошлом. Все необходимые данные должны были быть записаны.

В 17:00 пространственная область должна была исчезнуть с платформы, завершив переход во времени.

Всё сходилось. Всё было просчитано. Должно получиться.

Этьен замер у терминала и установил таймер активации на 17:00. Теперь оставалось ждать десять минут.

Он пристально смотрел на внешний таймер на мониторе, на маленький камень, заключённый под непрозрачным куполом, и на часы. Время тянулось медленно...

Наконец графики ожили.

Система начала регистрировать изменение поля. Появился энергетический отклик. Этьен буквально подпрыгнул со стула, едва не смахнув чашку кофе со стола.

На экранах появились характерные колебания пространственного поля.

Профессор подключил часы к компьютеру и перенёс полученные данные сначала на них, а затем на другие носители, пытаясь перестраховаться.

Он посмотрел на время.

16:41.

Его взгляд снова остановился на объекте.

Вот она — возможность.

Оставалось сделать ещё несколько действий, и всё. Все данные будут доступны, а исследование можно будет завершить.

Он посмотрел на защитный кожух, но подавил желание двинуться в его сторону.

Нет. Сначала данные. Сначала моделирование.

Не в этот раз.

Успокоившись, он сделал три больших глотка остывшего кофе и продолжил ждать.

В 17:00 объект исчез с платформы — именно так, как и предполагалось.

Профессор удалил текущую сессию из данных системы, пометив её как забракованную, и начал собираться. Он хотел как можно скорее покинуть лабораторию, чтобы продолжить расчёты в другом месте и не привлекать внимания.

Скоро проблема, которая долгие месяцы не позволяла завершить модель, будет решена.

Искусственный интеллект на часах Этьена сразу приступил к анализу полученных данных. Он сравнивал параметры поля, энергетический отклик и незначительные пространственные отклонения, пытаясь построить новые модели поведения системы.

Для полноценного моделирования требовались большие вычислительные мощности, поэтому первый этап анализа Этьен запустил ещё в лаборатории. Остальную обработку он продолжил на своих портативных устройствах.

Чем дальше продвигался анализ, тем яснее становилось одно: его расчёты были верны.

Все основные параметры перехода совпали с моделью. Для Этьена это означало одно — эксперимент удался.

Он впервые получил подтверждение того, что пространственная коррекция была возможна не только теоретически. К вечеру он уже понимал: он находится всего в нескольких шагах от решения проблемы, которая месяцами не позволяла завершить модель.

Но он ещё до конца не осознавал, что самым важным результатом эксперимента был не исчезнувший объект, а то, что произошло в момент образования связи

Четверг, 17 июня 2060 года, 16:30 (GET)

Проанализировав данные и сделав дополнительные расчёты, стало очевидно: внешнее возмущение темпоральной системы не приведёт ни к чему катастрофическому. Система стремится к равновесию и стабилизации. Именно это происходило "под коркой" во время перемещений в будущее и объясняло разные затраты энергии при однотипных перемещениях.

Чтобы понять, где именно объект появлялся в прошлом и в какой точке пространства происходило закрепление области, необходимо было измерить энергию и возмущение системы при нарушении перехода. Проще говоря, нужно было сделать две вещи.

Вытолкнуть объект из сферы после формирования связи. В таком случае сама пространственная область продолжит оставаться связанной, а часть энергии перехода должна будет проявиться непосредственно на объекте.

А затем также необходимо было создать настоящее возмущение пространственно-временного поля и после формирования связи остановить эксперимент в будущем. Это была самая опасная часть. По его расчётам и модели, созданной искусственным интеллектом, должны были возникнуть возмущения в виде затухающих пространственных колебаний.

Когда рабочий день закончился, профессор настроил платформы и был готов повторить свой эксперимент:

16:30 — таймер активации настроен на 17:00.

Тот же защитный купол.

Тот же объём.

Тот же объект.

Но цель была другой. Нарушить уже сформированную причинную связь.

В 16:40 система вновь зарегистрировала энергетический отклик.

Графики начали строиться почти идеально.

Объект всё ещё находился под куполом.

До автоматической активации оставалось менее двадцати минут.

Этьен внимательно следил за таймером. В этот раз он настроил рычаг под куполом, который должен был вытолкнуть объект из сферы.

Как только все фазовые диаграммы стали стабильными, он нажал кнопку и вытолкнул шарик с его места.

Раздался хлопок. Если бы не купол, он был бы достаточно громким.

Вся полость внутри купола наполнилась дымом.

Профессор переключил камеру на инфракрасный режим и продолжил наблюдения.

Оставался решающий шаг.

Собравшись с духом, Этьен отключил автоматическую активацию.

Несколько секунд ничего не происходило. Этьен глянул на графики — всё оставалось в пределах расчётных значений. И тут он увидел то, о чём совсем забыл.

Колебания запустились.

Первые секунды они были настолько незначительными, что система не сразу смогла их зафиксировать. Но теперь они стали уже вполне ощутимыми и постепенно увеличивались.

Было ощущение, будто сама система пыталась пересчитать собственное состояние.

Пространственное поле сжималось и расширялось... всё происходило в пределах объёма переноса. В какой-то момент частота достигла максимального значения, после чего колебания начали затухать. Амплитуда постепенно уменьшалась.

Пространственное поле возвращалось к устойчивому состоянию.

Через несколько минут всё полностью стабилизировалось, и ожидаемая световая вспышка закрыла темпоральную связь.

И больше ничего не случилось.

Всё было под контролем.

Все данные были получены.

В следующем эксперименте станет возможно рассчитать точное положение области пространства, перенесённой в прошлое. Также новые данные позволят точнее моделировать перемещения объектов в будущее.

Теперь, благодаря полученной информации, станет возможным рассчитывать необходимую энергию не только по времени смещения, но и с учётом реального положения пространства. Это должно было устранить те неточности, которые раньше приводили к разным энергетическим затратам при одинаковых переходах.

— *C'est une victoire... un triomphe.* (фр. Это победа... триумф.) — выдохнул Этьен, не отрывая взгляда от бегущих по экрану графиков.

Теперь у него были почти все параметры, необходимые для построения полной модели управляемого смещения во времени.

Глава 5

Пятница, 18 июня 2060 года, 12:10 (GET)

Обеденный зал в столовой института был уже заполнен почти наполовину. Шум голосов, звук приборов и тихая музыка смешивались в единый ровный фон. Большая часть сотрудников уже привыкла к однообразному ритму городка: лаборатория, столовая, жилой сектор, снова лаборатория.

Марына сидела за соседним столом вместе с девушкой из Австрии — Юлией, которая участвовала в строительном проекте расширения исследовательского комплекса.

— Я хочу ещё раз съездить в Тбилиси, — сказала Марына, размешивая чай. — Говорят, вечером там совершенно другая атмосфера.

Юлия улыбнулась.

— А мы почти ничего ещё не успели посмотреть. Нас перебросили сюда слишком быстро. Пока только стройка, совещания и гостиница.

Марына тихо усмехнулась.

— Звучит очень знакомо.

В этот момент её часы завибрировали. На экране вновь появилось имя: Сириль.

Она на секунду замерла, затем быстро отклонила видеосвязь и перевела звонок в обычный режим.

— Привет, — сказала она чуть тише.

— Я хотел увидеть тебя, — спокойно ответил Сириль. — Но понял, что видеосвязь сейчас, наверное, не самая удобная идея.

Марына улыбнулась.

— Да, в столовой не лучшее место для этого.

— Я скучал, — после короткой паузы сказал он. — И не хотел тебя отвлекать на прошлых выходных. Ты говорила, что родители приезжали.

— Да. Мы почти всё время провели вместе.

— Я, кстати, заезжал к ним вчера, — продолжил Сириль. — Мы сидели у их летнего домика под Кельце. Войтек устроил барбекю для соседей. Позвали и нас. Было очень душевно.

Марына тихо засмеялась.

— Звучит как мой брат.

— Твоя мама передавала тебе привет. И сказала, что ты слишком много работаешь.

— Это она говорит каждый раз.

— Потому что это правда.

Марына отвела взгляд в сторону и чуть мягче сказала:

— Я тоже скучаю... но у нас сейчас всего час на обед.

— Понимаю. Тогда созвонимся вечером?

— Да. Вечером будет лучше.

Она ещё немного улыбнулась и завершила звонок.

— Извини за то, что выпала из беседы, это звонил мой парень Сириль.

— Он француз? — спросила Юлия.

— Нет, швейцарец, — сказала Марына. — Так, на чём мы остановились?

К столу неподалёку уже подходили с подносами увлечённо беседующие Видар и ИТ-техник Гинтас из Литвы. Они разговорились ещё на лестнице, по дороге в столовую. На ланч сегодня давали шведскую домашнюю кухню, чему Видар был искренне рад — он успел соскучиться по соусам, которые на его родине всегда подавали к горячему.

Молодые люди направились с подносами к свободному столику, но Видар завернул к столу поодаль, где весь день оставались доступны блюда грузинской кухни. Прихватив два сочных кусочка хачапури по-мегрельски, он положил их рядом с основным блюдом и спешно зашагал обратно к Гинтасу.

— Они тебе нравятся? — спросил Гинтас.

— Да, ты же видел, что я не взял хлеб.

— А вместо этого, понятно, — слегка улыбнулся Гинтас.

Видар уловил иронию в голосе и решил отшутиться:

— Ну, «только хачапури» с основным блюдом лучше, чем «хлеб и хачапури» с тем же блюдом.

— Понятно, — сказал Гинтас.

Он заметил, с каким трудом Видар поднялся по лестнице. У парня был лишний вес, и это угрожало его здоровью. Но подшучивать над Видаром дальше или читать нравоучения он не стал.

«Кто я такой», — подумал он и продолжил совсем о другом:

— У вас уже поставили шестую серию защитных модулей?

Видар кивнул.

— Только на внешнем контуре. Внутренний пока ещё работает на пятой версии.

Гинтас заметно оживился.

— Интересно... Значит, они всё же решили оставить старую архитектуру ядра. Я слышал, были проблемы с совместимостью.

— Не только с совместимостью... — спокойно ответил Видар, сделав паузу.

В этот момент он обмакивал кусочек сочной котлеты в бурый соус, насаживал на неё немного картофельного пюре и несколько мочёных ягод. Закусывал он слайсом хачапури, используя его вместо хлеба.

— Дело в том, — продолжил он, — что старая версия не очень хорошо регулирует нагрузку при нестабильных энергетических пиках. А сейчас к тому же мы увеличили объём.

Гинтас усмехнулся.

— Ваш руководитель был недоволен тем оборудованием, что мы установили недавно. Он спустился тогда к нам в приёмный отдел и принялся спорить с поставщиками. По его словам, они неверно истолковали его заказ.

Видар едва заметно улыбнулся.

— Слышал, это в его стиле.

Во время разговора он время от времени переводил взгляд в сторону соседнего стола, где сидела Марына.

В то же время, не спеша по лестнице поднимался руководитель проекта Этьен в сопровождении Николая.

— Господин профессор, — говорил Николай, — так что вы думаете об этом способе сократить энергетические затраты? Если варьировать размеры объектов, цикл экспериментов существенно замедлится... но эффективность стабилизации становится значительно выше.

— Думаю, мой друг, вы сами поняли, в каком направлении продолжатся наши исследования. Я, к сожалению, ещё не успел довести это до вас всех. Но именно это мы и будем делать в следующей серии экспериментов.

На середине лестницы их догнал Темур, начальник службы безопасности.

— Профессор Этьен, Николай, здравствуйте!

— Здравствуй, Темур, — ответили ему коллеги.

— Сегодня шведская кухня. Угадайте, кто уже там.

— Ох, Темур. Зачем об этом.

— Понял. Есть продвижения в вашей работе?

— Продвижения есть, — сказал профессор, — и скоро о них все узнают.

Николай посмотрел с недоумением на своего руководителя, но промолчал.

— Ох, как интересно, — сказал Темур. — Наука и прогресс движут человечеством!

(Обыватели не были посвящены в детали работы лабораторной группы. Они имели только общие сведения о перемещениях.)

— А как у вас? — спросил Этьен у Темура.

— У нас тут такой случай произошёл, даже не знаю, комичный что ли.

— Интересно, расскажите.

Они уже стояли в очереди. Николай сориентировался быстрее, собрал и прихватил подносы для всех троих.

— Спасибо, Николай, — сказал профессор. — Так что это был за случай?

К этому моменту они все трое уже стояли в небольшой импровизированной очереди к столику с едой.

— Вы знаете, что мы периодически проводим учения по освобождению помещения при разных угрозах, — начал Темур. — Так вот, во время последней учебной тревоги один новый сотрудник настолько ответственно отнёсся к инструкции «немедленно покинуть сектор», что выбежал наружу в защитном костюме для химической аварии... только вот забыл снять свой виртуальный шлем!

— О, это должно было выглядеть эффектно, — сказал профессор.

— Угу, — сказал Темур. — Особенно когда он врезался в декоративную пальму у входа и потом стал перед ней извиняться, думая, что сбил сотрудника.

Этьен тихо усмехнулся и покачал головой.

— Со всеми нами такое случалось в молодости. Я вот тоже когда-то так переволновался и вывихнул плечо. Но то, что последовало далее, изменило мою жизнь. Я рад, что это со мной случилось.

Николай же, не оценив юмора, серьёзно заметил:

— Подобные сложности адаптации у новых сотрудников сегодня вполне обычны. Но главное, Темур, что ваши инструкции неукоснительно выполняются.

Темур несколько секунд смотрел на него, после чего расхохотался ещё сильнее.

— Вот поэтому, Николай, я никогда не смог бы работать в вашей лаборатории.

Далее они продолжили весело беседовать. Темур рассказал ещё про один, по его мнению, забавный случай: как сотрудник во время учебной тревоги зачем-то хотел забрать с собой свой рабочий компьютер и застрял в отделе. Как за ним прибежала его жена, вытащила его, и как он упирался, утверждая, что этот случай учений особенный и именно его компьютер должен покинуть помещение.

Тут Николай немного расслабился и тоже улыбнулся.

За едой незаметно пролетели двадцать минут, как вдруг смарт-часы Темура ожили, спроецировав мерцающий экран входящего вызова прямо на поверхность стола.

— Мои дорогие, мне нужно покинуть вас. Работа зовёт.

— Конечно же, идите, — сказал Этьен. — Мы вас не задерживаем.

Темур встал, попрощался с собеседниками и пошёл прочь в сторону лестницы на нижний этаж.

Этьен повернулся к Николаю.

— Вы не торопитесь, молодой человек?

— Нисколько, сэр.

— Тогда задержитесь со мной ещё на десять минут. Выпьете со мной кофе?

— Конечно. Вам принести тот, который вы любите?

— Да, буду признателен, Николай. Вы точно помните, сколько и какой сироп я предпочитаю.

— Никаких проблем. Сейчас.

Николай встал и, прихватив подносы — свой и профессора, — направился вглубь столовой.

Вскоре он вернулся уже с новым подносом. На нём стояли две большие чашки с кофейными напитками.

— Благодарю вас, — сказал Этьен и зажмурился от удовольствия. — Мм... У вас получается даже лучше, чем у моей супруги.

— Я просто запомнил состав напитка, который вам однажды особенно понравился.

— Да, вы всё сделали правильно.

Сделав ещё глоток, Этьен продолжил:

— Что ж, перейдём к делу. Видите ли, мы подошли к решающей стадии нашего проекта.

Николай внимательно слушал.

— Хотелось бы узнать, как вам видится дальнейшее развитие всей технологии и научного направления, когда наша работа завершится и решение проблемы будет чётко сформулировано?

— Ну, — начал Николай, — для начала добиться устойчивости, а потом масштабировать технологию в других направлениях.

— И как вы это видите?

— Энергию можно консервировать и складировать в пространственно-временной области. Если проблема с обратным перемещением будет решена, люди смогут транспортировать её в пространстве.

На микро- и наноуровне пространственные перемещения могут стать частью какой-нибудь единой системы... Энергия будет складироваться и переходить из одной формы в другую. Если нам удастся её упорядочить, возможно, у нас появится... невидимое хранилище. Если получится рассчитать местоположение при обратном смещении, то на макроуровне мы сможем транспортировать её на другие объекты Солнечной системы — на Луну, на Марс... Далее открываются способы преобразовать энергию и осуществить межзвёздные перемещения...

— О... осторожнее, Николай, — улыбнувшись, прервал его Этьен. — Мы ещё пока камушки на двадцать минут вперёд отправляем, а вы уже перестраиваете мироздание.

— Камушки? — с удивлением переспросил Николай.

— Я образно, — сказал профессор.

— А, понятно.

— В общем, ближе к делу. Вас выбрали на эту должность среди других кандидатов в том числе благодаря вашему щепетильному отношению к делу. Вы аккуратны, берёте на себя ответственность, а команды, в которых вы участвовали ранее, всегда были хорошо слажены. Из отчётов ясно, что часто это являлось заслугой не конкретного лидера, а именно вашей. Вы перепроверяете расчёты, даже когда в этом нет необходимости, и молча, в рамках протокола, исправляете чужие ошибки. Если недочёты были некритичны, вы даже не сообщали о них коллегам, чтобы поддерживать хорошие отношения.

Хорошо это или плохо — не суть важно. Но даже в рамках нашего проекта я замечал, что вы проверяете цифровые журналы калибровки, хотя это не входит в ваши обязанности. Вы всегда берёте на себя рутину и проверяете рапорты. Это ведь достаточно скучная работа для человека, который, как я знаю, искренне поглощён наукой.

— Я делал что-то не так, профессор?

— Нет, что вы. Я просто хотел подвести вас к главному вопросу, который я хотел вам задать.

Этьен сделал ещё один глоток и продолжил:

— Знаю, для вас важны неукоснительное соблюдение и следование протоколу, но смогли бы вы нарушить эти правила ради общего дела, ради развития науки и будущего человечества?

Николай, недолго подумав, ответил:

— Конечно, смог бы. Я понимаю, что вы рассматриваете уникальный случай. Человек должен брать на себя ответственность и принимать сложные решения ради общего блага. Идеальная форма машины не есть её суть. Приоритеты важнее внешней оболочки.

— Я не сомневался в вас! — сказал Этьен. — В общем, не буду тянуть шарманку дальше. Эксперимент по обратному перемещению успешно завершён!

Глава 6

Среда, 23 июня 2060 года, 19:10 (GET)

Дом Этьена уже был погружён в мягкий вечерний свет. За стеклянными дверями сада темнела долина, и только редкие огни вдаль напоминали, что мир за пределами виллы продолжает жить своим обычным ритмом.

Они собрались в гостиной. Без лаборатории. Без протоколов. Без наблюдения системы.

Этьен говорил спокойно, почти буднично. Он рассказал всё.

Свой первый эксперимент. Модель. Результат. Контроль параметров. То, что он сделал один, до официального допуска.

Когда он закончил, в комнате на несколько секунд повисла тишина.

Николай сидел спокойно, слегка откинувшись в кресле. Его лицо не выражало ни удивления, ни напряжения. Скорее — подтверждение уже понятой логики. Он медленно кивнул.

Марына, наоборот, наклонилась вперёд:

— И всё сработало точно по модели?

В её голосе не было сомнения. Только интерес.

— Это же означает, что система действительно стабильна в этом диапазоне! Это же цель всей нашей работы, — она улыбнулась. — Тогда мы можем продолжать прямо сейчас. Без ожидания формальных разрешений.

Она сказала это легко, почти играючи, как будто речь шла о чём-то совершенно естественном.

Николай спокойно добавил:

— При корректной изоляции параметров риск минимален. Благодаря полученным профессором результатам мы сделали новые расчёты, и с высокой вероятностью мы точно сможем рассчитать местоположение сферы, отправленной в прошлое.

Он говорил так, будто эксперимент уже давно был частью общей последовательности, а не отдельным событием.

Видар молчал. Он не сразу включился в разговор. Сначала он просто слушал. Потом перевёл взгляд с Этьена на Николая, затем на Марыну.

И только после этого тихо спросил:

— То есть... эксперимент был проведён без официального допуска?

Голос был ровный. Без обвинения. Почти технический вопрос.

Этьен посмотрел на него и с показным ударением ответил:

— Да.

Коротко. Без оправданий.

Видар кивнул, как будто фиксировал факт.

— И результаты уже используются в моделировании?

— Конечно, — ответил Николай. — Иначе они не имели бы смысла.

Марына не вмешивалась, но её взгляд был живым, сосредоточенным. Она словно уже мысленно работала дальше, не задерживаясь на самой границе события.

Видар почувствовал, как внутри возникает напряжение. Не яркое. Не эмоциональное. Скорее структурное несоответствие. Он привык быть тем, кто замечает отклонения. Но здесь отклонение не признавалось отклонением. Оно уже стало нормой внутри разговора.

И самое неприятное было в том, что он понимал логику.

— Это изменяет статус всего проекта, — сказал он осторожно.

Этьен не ответил сразу. Он как будто заранее знал, что эта фраза будет сказана.

— Только если кто-то решит, что это изменение, — произнёс он наконец.

Марына тихо усмехнулась.

— Но ведь именно поэтому мы здесь. Чтобы понимать то, что ещё не оформлено системой.

Видар посмотрел на неё. Потом на Николая. Оба уже находились внутри принятой рамки. Спокойно. Естественно. Без внутреннего сопротивления.

Он оставался чуть в стороне. Но не вне. И это создавало странное ощущение. Он был включён в процесс, который уже начал жить по своим правилам.

— И что дальше? — спросил он.

Вопрос прозвучал тише, чем он ожидал. Этьен сделал паузу.

— Мы проведём ещё один эксперимент. Далее, исходя из данных, полученных в ходе этих экспериментов, мы получим обратную связь и докажем то же самое, основываясь на перемещениях в будущем. Оформим результаты и получим разрешение!

Тишина после этих слов была короткой, но плотной.

Видар почувствовал, как внутри него возникает сразу несколько направлений мысли. Остановить это — логично. Продолжить — тоже логично. Сообщить — правильно. Остаться — неизбежно.

И самое опасное: он уже не мог отделить одно от другого. Он медленно вдохнул. Посмотрел на Этьена. Потом на остальных. От него ждали решения. Если он сейчас выйдет из этого круга — он выйдет не только из эксперимента. Он выйдет из процесса, который уже начал формироваться как целое.

Николай был спокоен. Марына — почти воодушевлена. Этьен — абсолютно уверен. И только он один всё ещё пытался удержать границу, которая уже перестала быть фиксированной.

— Мне нужно увидеть параметры, — сказал он наконец.

Это не было ни согласием, ни отказом. Это было последнее положение равновесия, которое он ещё мог позволить себе удержать. Этьен слегка кивнул. Как будто это тоже было ожидаемо. И в этот момент Видар понял: решение уже принято не им. И даже не ими по отдельности. А самим фактом того, что он остался в комнате.

Марына и Видар расположились со своими компьютерами на веранде и с интересом разбирали результаты эксперимента Этьена. У Николая уже было время во всём разобраться, и он стоял рядом с Этьеном у крайней стойки, любуясь закатом.

Они находились на достаточном расстоянии, чтобы коллеги не слышали, о чём они говорят.

— Спасибо тебе, Николай, — сказал Этьен.

Их общение за прошедшие выходные стало менее формальным.

— За что? — бросил тот в ответ.

— Для меня очень важна была твоя поддержка. В Марыне я не сомневался. Но Видар... Ему тяжелее выйти за пределы установленных норм, но я был уверен, что он не поплывёт против течения. Он не такой.

— Ну да, судя по всему. Он по-прежнему с нами и уже по ходу дела сам планирует наш следующий эксперимент, — сказал Николай, широко улыбнувшись.

— Так какие у вас, — снова перейдя на «вы», но скорее в шутку, продолжил Этьен, — планы по возвращению на родину? Как насчёт того, чтобы однажды возглавить новую кафедру темпоральной физики? Я мог бы этому поспособствовать. В своё время, конечно.

Николай на секунду задумался — не понял, шутит профессор или говорит всерьёз. Но затем улыбнулся и ответил:

— Чем чёрт не шутит.

Пятница, 25 июня 2060 года, 16:28 (GET)

В лаборатории стояла необычная тишина.

Все четверо находились на своих местах. На платформе под защитным куполом лежала миниатюрная копия камня Сно. Профессор не очень любил этот экспонат и решил, что для эксперимента он подойдёт идеально.

После долгих обсуждений коллеги решились провести ещё один эксперимент до получения официального разрешения. Диаметр сферы был увеличен почти до одного метра. Расчётное смещение оставалось прежним: двадцать минут назад во времени.

По расчётам объект должен был появиться на платформе уже в 16:40. Поскольку при перемещении в прошлое предмет не мог появиться на том же самом месте, решили разместить встречающую платформу в комнате отдыха рядом с лабораторией.

Таких комнат в здании было несколько. Доступ к ним имели все сотрудники. Но в комнате рядом с лабораторией редко кто бывал.

Между лабораторией и комнатой проходила прозрачная стеклянная перегородка. С её стороны можно было наблюдать комнату отдыха из лаборатории, однако из комнаты отдыха сама лаборатория была не видна.

Профессор мог отключить мониторинг комнаты в рабочие часы, когда в лаборатории находились люди и работали все системы. Этот доступ он выпросил, ссылаясь на защиту личного пространства. Поскольку больше половины комнаты отдыха просматривалось с камер контроля лаборатории, просьбу профессора не сочли невыполнимой.

Сейчас же, расставив мебель особым образом и отключив внутренний мониторинг комнаты, платформу удалось замаскировать.

Сам профессор к этому моменту решил выйти из комнаты и следить за главным входом и коридором, чтобы никто в этот момент не зашёл в комнату.

Он повернул замок на двери в закрытое положение, при этом оставив саму дверь открытой. Затем вышел из комнаты и занял позицию в коридоре, примыкавшем к лабораторному сектору. В это время институт уже был почти пустым. Но всё-таки лучше самому за всем уследить. Он медленно прошёл по коридору чуть дальше и остановился возле поворота, откуда просматривался главный вход в сектор.

Всё было спокойно.

Тем временем на крытой парковке возле института уже почти сорок минут сидел Звиад. Он в очередной раз посмотрел на часы — Николай опаздывал, и такого прежде никогда не случалось. Обычно по пятницам после работы они сразу отправлялись играть в волейбол.

Неподалёку послышался тихий звук электромотора — это буквально минуту назад припарковалась Софи, супруга Этьена. Оставив собак в салоне, она поспешила в местный магазинчик за свежим кормом для питомцев.

Звиад снова перевёл взгляд на экран своих смарт-часов и попробовал связаться с другом ещё раз. Безрезультатно. Коммуникатор Николая был вне сети.

— Странно... — пробормотал Звиад.

Он знал, что Николай иногда отключает свой приватный трафик в рабочие часы, чтобы не отвлекаться. Но сейчас рабочий день уже закончился, и с момента их несостоявшейся встречи прошло больше полчаса.

Немного поколебавшись, Звиад вышел из машины. Будучи сотрудником службы снабжения, он имел доступ в служебные помещения института и решил проверить, что задержало друга.

Через несколько минут он уже входил внутрь через отдельный технический вход, которым пользовался персонал доставки. Звиад спокойно прошёл по коридорам. Никаких подозрений у него не возникало. Он лишь хотел узнать, почему Николай задерживается. Вскоре он оказался возле комнаты отдыха, подойдя с другой стороны и не заметив профессора. Язычок замка на двери был высунут, но дверь не была заперта. Ему это показалось странным.

«Наверное, нужно вести себя тихо», — подумал он и почти бесшумно открыл дверь, входя внутрь.

Свет внутри горел.

«Наверное, ещё работают...»

В центре комнаты стояла незнакомая платформа. Звиад остановился.

«Что это ещё такое?»

Любопытство взяло верх. Он подошёл ближе. Сделал ещё несколько шагов. Остановился почти в центре помещения.

16:39:39

Марына машинально подняла взгляд от монитора. И замерла.

Сначала она не поверила собственным глазам. Потом резко побледнела.

— Звиад...?

Все одновременно обернулись. Несколько секунд никто не понимал происходящего.

Потом Видар увидел положение Звиادا относительно расчётного центра сферы. Кровь мгновенно отхлынула от его лица.

— О Боже! Нет!... — вырвалось у него на шведском.

Николай тоже всё понял.

— Нет, нет... Что он там делает..?

Марына уже вскочила на ноги.

— ЗВИАД!

Тот вздрогнул и повернулся на крик.

16:39:48

Марына бросилась к двери. В этот момент она думала только об одном: успеть. Остановить его. Вытолкнуть. Увести хоть на метр в сторону.

Она даже не заметила, что, покидая рабочее место, не отключила автоматический контур контроля эксперимента.

16:39:52

— Видар! Отмени весь процесс! — крикнул Николай.

Видар уже сидел за терминалом. Пальцы стремительно двигались по панели управления.

Команда отмены. Подтверждение. Ожидание.

На экране появилась надпись:

ОТМЕНА ЗАБЛОКИРОВАНА

— Vad fan är detta?! I helvete! (шв. Что за чёрт?! Провались всё пропадом!)

Он ввёл команду повторно. Тот же результат.

16:39:54

— Видар!

— Пытаюсь!

Ещё одна команда. Ошибка. Отказ. Снова отказ.

Система не позволяла разорвать уже сформированную временную связь.

16:39:56

— Что происходит?! — крикнул Николай.

Видар не отрывал взгляда от экрана.

— Искусственный интеллект блокирует отмену!

— Тогда отключай всё!

16:39:58

Марына уже бежала навстречу обомлевшему Звиаду. Он смотрел на неё с полным недоумением.

— Что случилось?

— УЙДИ ОТТУДА!

16:39:59

Видар понял.

Стандартными средствами процесс остановить невозможно.

Он нажал и подключил собственный аварийный модуль ИИ — систему, предназначенную для принудительного завершения критических процессов.

Новая система мгновенно вступила в конфликт с основной.

На экране побежали предупреждения.

КОНФЛИКТ УПРАВЛЕНИЯ

ПЕРЕСЧЁТ СОСТОЯНИЯ

ПРОВЕРКА ПРИЧИННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

16:40:00

В центре комнаты отдыха возникла вспышка. Сначала слабая. Почти незаметная. Затем пространство начало сжиматься. Точно в той точке, где стоял Звиад.

Глаза его расширились от непонимания. Его тело начало разрываться по швам. Марына в панике замерла, её глаза застыли от ужаса...

16:40:01

Видар увидел новые строки на мониторе.

ПРОЦЕСС НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЗАВЕРШЁН

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ УЖЕ СФОРМИРОВАНА

«Как не может?.. Нет...»

Он почувствовал настоящий страх. Впервые за всё время.

Пальцы дрогнули. И тогда он нажал последнюю кнопку, которая оставалась, не думая о последствиях. Будто можно было отменить уже свершившееся.

АВАРИЙНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ ПИТАНИЯ

16:40:02

Ничего не произошло.

16:40:03

А затем произошло всё сразу.

Обе системы ИИ начали одновременно пересчитывать состояние установки.

Временная связь не разрушилась. Но и завершиться не смогла. На экране один за другим появлялись новые расчёты.

ПРОГНОЗ КОЛИЧЕСТВА ИТЕРАЦИЙ:

26 298 000 000

ОЦЕНКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ АККУМУЛЯЦИИ:

НЕОПРЕДЕЛИМА

ОЦЕНКА СТАБИЛЬНОСТИ:

НЕВОЗМОЖНА

— Нет... — прошептал Видар.

Николай увидел экран. И впервые за всё время потерял дар речи.

16:40:04

Звиад закричал.

Его силуэт начал расплываться.

Словно сама реальность перестала понимать, где он должен находиться.

Марына застыла в двух метрах от него.

16:40:05

Пол ушёл из-под ног. Воздух начал дрожать. Стены вытягивались. Фигуры людей искажались. Свет становился всё ярче.

16:40:06

По всему комплексу прокатилась ослепительная вспышка.

16:40:07

Мир исчез.

И наступила тишина.

Глава 7

Среда, 23 июня 2060 года (–1 000 000 лет по обратной проекции), 17:01 (GET)

Всё исчезло. Не было ни звука, ни формы, ни направления — только ослепляющая белизна, как будто пространство само потеряло структуру.

А потом — резкий провал.

Николай пришёл в себя первым. Он стоял, пальцы были напряжены и слегка оттопырены, будто он всё ещё хотел вцепиться во что-то невидимое. Дыхание было ровным, но слишком контролируемым.

Видар сидел в своём широком кресле. Он дышал часто, сердце колотилось, как бы он ни старался себя успокоить.

Он был напряжён, лицо покраснело, на лбу выступил пот. Очки остались на носу, запотевшие, и он медленно снял их, не глядя никуда, просто чтобы видеть хоть что-то ясно.

Они не сразу заговорили. Они смотрели вдаль через стеклянную стену, где вместо комнаты отдыха снаружи открывался вечерний вид на склоны гор и долины.

Было ещё достаточно светло. Горы, трава, ледники где-то далеко были отчётливо видны. Но что-то было не так.

— ...Это не то место, — тихо сказал Видар.

Николай медленно кивнул.

— Да.

Пауза.

— Мы внутри, — добавил Видар.

— Внутри чего? А... да...

— Николай... — Видар продолжал часто дышать, будто хватаясь за воздух. — Ты стоишь рядом со шкафом... там лежат пирожные. Это то, что сейчас нужно... поможет успокоиться...

Николай словно не слышал, что сказал его коллега. Полностью игнорируя его, он подошёл к двери и осторожно открыл её.

Прохладный воздух ударил в лицо. Сухой, непривычно чистый. По ощущениям — около двенадцати градусов тепла.

«Мы определённо переместились, — подумал он. — Так резко похолодать не могло».

Он аккуратно вышел на уступ в форме выступающей дуги — то, что осталось от комнаты отдыха, — и подошёл к его краю.

Видар не стал дожидаться товарища, встал и направился к своему шкафчику.

Николай стоял и смотрел вниз.

Фрагмент здания осел и закрепился на склоне. Прямо под ним, на высоте пяти метров, простирался склон... это была земля. Глубже и ниже было ясно, что это горная основа.

Он представил, что было бы, если бы фрагмент вошёл в горный массив — взрыв.

Он прекрасно знал, что сфера не переносит объекты. Она переносит координатную границу состояния. Всё, что оказывается внутри, лишь подстраивается под новую геометрию.

И в случае приземления в горах взрыв разнёс бы всё вокруг осколками породы, чтобы "пространственная капсула" аккуратно вписалась в новую среду.

Под ними была земля, и, судя по небольшим кучкам пыли, небольшой взрыв всё-таки произошёл.

Сферический вырез здания стоял крепко, опираясь на горную породу у основания с другой стороны.

Он развернулся и пошёл обратно, собираясь с мыслями.

Закрыв за собой дверь и подойдя к Видару, сидящему в окружении горы пирожных, он сказал:

— Мы где-то в горах, — сказал он наконец. — Может... три тысячи метров.

Его несколько не удивил тот факт, что Видар в такую минуту сидит с пирожным в одной руке и чашкой кофе в другой. Он всегда так делал во время кофейных пауз. Но в этот раз вокруг Видара был целый ворох пирожных.

— Боже мой, Видар. Сколько их у тебя?

— Много. Объясню, как так вышло. А ты возьми сам. Вот эти вкусные и свежие — я взял их из столовой всего час назад, прямо перед закрытием. Бери, бери. Это помогает в стрессовой ситуации.

— Не знаю, не знаю. В стрессовой ситуации я, наоборот, теряю аппетит. Сейчас не могу. А откуда их у тебя столько?.. Их 30..?

Он стал считать и насчитал 32 самых разных пирожных и других кулинарных произведений.

— Ты серьёзно забрал 32 пирожных из столовой сегодня?

— Нет, что ты! Я сказал же, что объясню. Ты же знаешь, что я всегда беру с собой пирожные. Они помогают мне поддерживать концентрацию. Обычно те, которые я не съедаю, я беру с собой домой.

Но всю эту неделю — наш проект и профессор... Мы всё время были вместе. У нас был совместный афтерворк (шв. термин для совместных посиделок коллег после работы) каждый день... И они скопились.

Я собирался выкинуть половину из них... Но сейчас, наверное, этого делать не стоит..?

— Не стоит, — подтвердил Николай.

После столь подробного объяснения он уже смотрел на эти сладости другим взглядом.

— Какие из них свежие?

— Вот эти, — указал Видар на лежащие на картонке уголок морковного торта и шведский шоколадный кекс.

Николай взял кекс, откусил от него большой кусок и медленно зажевал.

— Электричества нет, — констатировал Николай очевидное.

Видар поднялся и начал осматривать помещение. Он двигался быстро, но без паники — скорее как человек, который пытается восстановить систему, а не ситуацию.

— У нас должно быть аварийное питание...

За шкафом с личными вещами он нашёл переключатель. Перевёл контур вручную. Нажал. Свет вспыхнул. Николай сразу понял, что он сделал.

— Это не солнечное питание, — сказал он. — Это резерв. Он держится на накопителях. Хватит на два часа.

— Отлично, — ответил Видар. — Значит, сегодня мы не будем сидеть в темноте.

Николай снова подошёл к стеклу. Долго смотрел.

— Связи нет, — сказал он.

Пауза.

— Вообще нет.

Он проверил ещё раз, уже автоматически. Тот же результат.

Видар коротко усмехнулся, но без радости.

— Забавно... — сказал он. — В обычной ситуации мобильная связь позволяет звонить даже на Луну, в то время как на Земле всё ещё есть места, где не берёт связь.

Николай не ответил сразу. Потом тихо сказал:

— Значит, это либо экранирование...

— ...либо мы действительно не там, где были, — закончил Видар.

Николай медленно отошёл обратно.

— Мы где-то в этом же регионе, — сказал он наконец, уже тише. — Но... выше, чем должны быть.

Он задержал взгляд на своих руках, словно проверяя, что они всё ещё принадлежат ему.
— Здесь холоднее, — добавил он. — Намного.

Свет в потолке был белый, ровный, искусственный — слишком нормальный для того, что было снаружи.

Николай подошёл и выключил его.

— Ты ведь не против? Ещё не так уже и темно.

Видар кивнул.

— Связи вообще нет, — сказал он, глядя на экран и проекцию телефона.

Видар взглянул на свои умные часы. То же самое.

Он выдохнул через нос.

— Это странно, — сказал он. — Даже на такой высоте должны быть вышки где-то в зоне.

Николай медленно покачал головой.

— Если только мы не...

Он не закончил.

Видар посмотрел на него.

— Не что?

Николай наконец произнёс:

— Если только мы не там, где вышек не существует.

Тишина снова легла между ними.

И в этой тишине стало ясно главное: это не просто перемещение.

Николай снова вышел к стеклянной перегородке и молча поднял устройство, чтобы сделать снимки — с разных углов, с разной экспозицией, с небольшими смещениями, чтобы зафиксировать геометрию неба.

Видар стоял рядом и пристально следил за действиями товарища.

— Ты хочешь использовать офлайн-ИИ в своих часах, чтобы определить, где мы и когда? Думаешь, у него хватит астрономических данных?

— Да... но, по-моему, днём это бесполезно, — сказал Николай.

— Почему?

— Слишком много шума. Рассеяние, отражения, нестабильный свет. Мы не получим точных углов.

Он убрал устройство.

— Нужна ночь.

Остаток дня тянулся медленно. Приборы не работали. Компьютеры могли бы протянуть на оставшемся заряде какое-то время... Но войти в систему всё равно никак не удастся — она была центральной. Да и даже если бы получилось, толку было бы немного. Это понимали они оба.

Так же как и то, что когда заряд на смарт-часах иссякнет, они станут бесполезными.

— Может, отключить их пока? — спросил Николай. — Как думаешь, отложить до лучших времён? Или до того момента, когда будет большая необходимость?

— Ты думаешь, мы тут надолго? Дома у профессора, да и в здании, есть параллельные базы данных, которые регистрируют события. Если профессор получил все данные и графики нашего перемещения, они с Марыной смогут произвести расчёты и определить, куда мы попали, и начать искать нас.

— Ты оптимист, Видар. Это хорошо!

— С чего бы мне не быть оптимистом? Снаружи те же горы. Мы с большой вероятностью всё ещё в том же регионе Казбека.

После этого они выключили свои мобильные устройства и молча сидели около десяти минут, не разговаривая.

Снаружи стало темнеть. Горы за стеклом потеряли резкость, растворяясь в синеве.

— Сейчас, — сказал Николай.

Он включил свои часы, вывел проекцию интерфейса и начал съёмку.

На этот раз — больше кадров, больше точек, больше перекрытий.

Звёзды стали хорошо видны. Даже слишком хорошо. Так часто бывает в горах.

Николай делал снимки с разных высот, углов и положений.

Видар уже понимал: это был не просто анализ. Это была попытка зацепиться за стабильную систему координат.

— Отправляю, — сказал Николай.

Экран мигнул.

АНАЛИЗ ЗАПУЩЕН

МНОГОТОЧЕЧНАЯ АСТРОМЕТРИЧЕСКАЯ КАЛИБРОВКА

Несколько секунд — тишина.

Потом система начала работу.

— Она сначала определит ориентацию, — тихо сказал Николай. — Север или юг.

— Я уверен, что мы находимся в Северном полушарии, — сказал Видар. — Это видно по звёздам... Они движутся относительно балок, которые держат стеклянные стены... и вращаются против часовой стрелки.

— Тогда ты видишь Полярную звезду, — сказал Николай.

— Нет. Но по движению я вижу, что она должна быть где-то справа на небе, а не слева...

— Ладно... Пусть софт сам разберётся.

На экране появилась первая привязка.

POLARIS едва фиксировалась, но этого было достаточно.

— Северное полушарие, — сказал Николай.

Видар кивнул, но напряжение не ушло.

Экран изменился.

СРАВНЕНИЕ СО ЗВЁЗДНЫМИ КАТАЛОГАМИ

ПОИСК ЭПОХИ

— Теперь главное, — сказал Николай.

Он не отрывал взгляда от дисплея.

Прошло несколько секунд. Потом больше.

РЕЗУЛЬТАТ НЕДОСТАТОЧНО ТОЧЕН

РАСШИРЕНИЕ МОДЕЛИ

— Это нормально, — сказал Николай. — Мы слишком далеко от базы.

И затем появилось новое окно.

НАИЛУЧШЕЕ СООТВЕТСТВИЕ:

0,5 – 3,0 МИЛЛИОНА ЛЕТ ДО РЕФЕРЕНСНОЙ ЭПОХИ

Несколько секунд слышались только порывы ветра.

— Это должен быть какой-то глюк, это невозможно... — сказал Видар.

— Это не год, это диапазон... Во всяком случае, он должен был быть определён, — ответил Николай.

Он сухо сглотнул.

— И он слишком широкий и, скорее всего, совершенно неверный... Знаешь... может быть, мои часы повреждены. Что-то не так с приложением или камерой...

Он посмотрел на индикатор питания.

Тот уменьшился.

60 %.

— Мы можем попробовать сделать то же самое с твоего устройства.

Видар, недолго думая, спроецировал интерфейс и повторил те же самые манипуляции, что уже делал Николай.

Конечное сообщение было следующим:

НАИЛУЧШЕЕ СООТВЕТСТВИЕ:

0.8 – 3.5 МИЛЛИОНА ЛЕТ ДО РЕФЕРЕНСНОЙ ЭПОХИ

Ему стало не по себе...

— Результаты моего расчёта не проясняют ситуацию...

И, подумав, добавил уже серьёзно:

— Нам нужны дополнительные данные, — сказал Николай. — Больше точек. Больше углов.

Он посмотрел на экран.

— Это займёт дни, недели по самым скромным прикидкам.

— Значит, мы просто ждём следующей ночи? — сказал Видар.

Николай кивнул.

— Да.

Незаметно прошло достаточно много времени, и на настенных часах, показывающих время в офисе, было уже восемь часов вечера.

Николай встал и подошёл к часам. В них был встроен автономный модуль светосбора, и они работали от рассеянного освещения.

Он представил, как разберёт их, вынет модуль и попытается с его помощью зарядить свои умные часы...

Так. Хорошо. Но это потом.

Прошедший день сильно измотал обоих, и отдых был сейчас нужнее всего.

У стены внутри лаборатории стояли небольшой диванчик и два кресла. В комнате отдыха остался большой диван — он перенёсся вместе с уступом. Он был слишком велик и не проходил в дверь лаборатории

Видар смастерил из его подушек и подкладок неплохое место в углу лаборатории. Николай же устроился на диванчике у стены. Некоторые вещи, оказавшиеся в комнате отдыха, они занесли внутрь. Проблему с переносом дивана решили пока отложить.

Расслабиться было тяжело. Но в конечном итоге оба уснули.

Утром они снова повторили съёмку. Больше кадров. Более точная стабилизация. Больше перекрывающихся звёздных полей.

Видар молча помогал, уже понимая, что каждая попытка приближает их к правде, знать которую они не готовы.

АНАЛИЗ ЗАПУЩЕН

ДИНАМИЧЕСКАЯ КАЛИБРОВКА С УЧЁТОМ СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ЗВЁЗД

Пауза была короче.

Система уже «узнала» больше.

УТОЧНЁННЫЙ ДИАПАЗОН:

0.7 – 1.8 МИЛЛИОНА ЛЕТ ДО РЕФЕРЕНСНОЙ ЭПОХИ

Видар выдохнул.

— Мы сузили окно.

— Но недостаточно, — сказал Николай.

Он посмотрел на индикатор питания.

Ещё ниже.

— Ещё одна ночь, — сказал он.

Видар медленно повернулся.

— А если энергии не хватит?

Николай ответил сразу:

— Тогда у нас будет ответ без уточнения.

Видар ничего больше не сказал. Оба понимали: следующая попытка могла дать им не только число, но и правду, к которой они ещё не были готовы.

Часть 2. Выживание на склоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.